

Сергей СОЛОВЬЕВ

<Рец. на кн.:> *Андрей Белый. Пепел*

Изд. «Шиповник». СПб. 1909. Ц. 2 р.

Два направления боролись некогда в нашей поэзии: на знамени одного написан был девиз: чистый эстетизм; на знамени другого — общественность и тенденция. Вождем первого движения был Фет; второго — Некрасов.

Первому направлению суждено было скоро разложиться и затем явиться в литературе прямо уже антиэстетическим фактором. Наследники Некрасова покушались окончательно уничтожить поэзию во имя тенденции. Между тем единственная фаланга поэтов, за которою было будущее, пошла за Фетом: имя Фета — на их знамени; их девиз — чистый эстетизм. Односторонность такого понимания искусства скоро была признана самими символистами. «Кумир Красоты так же бездушен, как и кумир Пользы», — заявил Брюсов¹. Бальмонт написал восторженную статью о Некрасове².

С книгой Андрея Белого «Пепел» наша поэзия вступает в еще новый фазис развития. Если символисты начали с Фета и потом равно оценили Некрасова, то теперь равновесие нарушено в пользу Некрасова.

Большое достоинство книги Белого в том, что она реально связана с современностью. Автор говорит в предисловии:

«В предлагаемом сборнике собраны скромные, незатейливые стихи, объединенные в циклы; циклы в свою очередь связаны в одно целое: целое — беспредметное пространство, и в нем оскудевающий центр России. Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину; и потому-то картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками — живой символ разрушения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной подмывают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры».

Подобно Некрасову, подобно Мусоргскому, Андрей Белый является здесь певцом забитого, обиженного человека. Вот телеграфист «стрекочет депешами» и «колесо докучливое вертит», а

Детишки бьются в школе
 Без книжек (где их взять!):
 С семьей прожить легко ли
 Рублей на двадцать пять: —
 На двадцать пять целковых —
 Одежда, стол, жилье.
 В краях сырых, суровых
 Тянись, житье мое!

Вот каторжник, бежавший из острога, бросается в Волгу. Вот арестанты, бежавшие из тюрьмы, вспоминают, как:

Заковали ноги нам
 В цепи.
 Вспоминали по утрам
 Степи.
 За решеткой в голубом
 Быстро ласточки скользили.

.....

Приносил нам сторож водки.
 Тихий вечер золотил
 Окон ржавые решетки.

Эти отверженные способны к нежным и теплым чувствам. Трогательна песня плотника, который видит «в окне, из-за банок, взгляд подружки», «поступившей в услужение к прачке». Вот закипающая неуго и зноем сцена свидания «под плетнем — навесцем малым»...

Тает трепет слов медовых
 В трепетных устах —
 В бледнорозовых, в вишневых
 В сладких лепестках.

Вот злые песни ревности и мести. И наконец, «Виселица», быть может, самое сильное стихотворение книги, где звучат ноты некрасовского «Огородника»³.

Не менее удачно изображен и «бред капиталистической культуры» в стихах «Маскарад», «Праздник» и др. Ядом разлагающегося быта пропитаны все стихи в отделе «Паутина». Воздух дворянских парков, домов с мраморными колоннами, со «старушкой, разрезающей торт», и лакеем Акакием, «боящимся ночных громи», — все это отравлено как бы дыханием незримого вампира, который иногда показывается то в виде паука, высасывающего

муху, то в виде горбуна «с угарным запахом папирос», «с восковым лбом» и в «ярко-огневом галстухе».

Так противопоставлены в сознании поэта эти два мира: мир городского пролетариата и крестьянства, где среди бесконечного страдания вспыхивает пламя действительной жизни со страстями и радостями, и мир аристократии и капитализма, где жизнь давно уже умерла и на месте великолепного маркиза тащится урод-вампир с «угарной папиросой». Но и тут нет-нет да и запоет элегическая красота прошлого, и мы различим пушкинскую метрику:

Там в бирюзовую эмаль
 Над старой озлащенной башней
 Касатка малая взлетит —
 И заюлит, и завизжит,
 Не помня о грозе вчерашней;
 За ней другая — и смотри:
 За ней, повизгивая окол,
 В лучах пурпуровой зари
 Над глянцем колокольных стекол —
 Вся черная ее семья...

Россия с ее разложившимся прошлым и нерожденным будущим, Россия, какой она стала после Японской войны и подавленной революции, — вот широкая тема трепещущей современностью книги Андрея Белого.

Недостатков в книге Андрея Белого много. Он неумеренно пользуется слишком звонкими рифмами, аллитерациями. Слишком часто встречаются: лапоть — окопать, росах — посох, утонешь — Воронеж, сырости — вырасти, Киев — змиев, бродили — лилий, окол — стекло, лисий — выси, мифом — лифом (!?!), погибли — библий и т. д. Бесплодно хочет стать рифмой созвучие: столицу — виселицу (64). И можно ли, не подавившись, прочесть стих:

Вниз из изб идут?

К оригинальным недостаткам Андрея Белого относится злоупотребление будущим многократным, например:

Злое поле жутким лаем
 Всхлипнет за селом.

Надо бы: всхлипывает. При будущем получается ненужный оттенок многократности: нет-нет да и всхлипнет. Примеров такого будущего много: просверкает, тукнет, взмоется, прокружится, исчертит, взвевет и т. д.

Андрей Белый идет за Некрасовым в изображении скорби народной. В безотрадных красках является ему Россия.

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: —
Там — убогие стаи избенок,
Там — убогие стаи людей.

Характерно, что поэт видит в России все, что видел Некрасов, все, кроме *храма*, о камни которого бился головой поэт народного горя. «Скудного алтаря», «дяди Власа», «апостола Павла с мечом» нет в книге Андрея Белого. Правда, есть дьякон, но:

Гомилетика, каноника —
Раздувай-дува-дувай, моя гармоника!

Это — озлобленный Некрасов «Последних песен»⁴ и «Кому на Руси жить хорошо».

Книга Андрея Белого называется «Пепел». Пепел чего? Прежних субъективных переживаний поэта или объективной действительности, — пепел России? И того и другого. И если суждено по эту, подобно Фениксу, восстать из пепла для новых песен жизни и утверждения, то будущая его книга может быть только о «Боге угнетенных, Боге скорбящих, Боге поколений, предстоящих пред этим скудным алтарем»⁵. Без этого Бога и Россия, и народность, и наша личность могут быть только горстью «пепла».

